Романтическое настроение
Барбара Картленд
Искушение Торильи
ЭКСМО

Барбара Картленд

Искушение Торильи

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130066
Искушение Торильи: Эксмо; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-52381-8

Аннотация

Юная Торилья отправляется на свадьбу своей кузины Берил. По дороге она знакомится с галантным маркизом, который помогает ей преодолеть невзгоды путешествия, а после исчезает, оставив на память лишь поцелуй.

Девушка безоглядно влюбляется в своего случайного спутника, но вскоре с ужасом узнает, что он и есть жених ее любимой кузины!..

Содержание

От автора 4
Глава 1 5
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Барбара Картленд
Искушение Торильи

От автора

Лишь в 1842 году первый отчет Комиссии по детскому труду всколыхнул всю страну. Описанные в данном романе условия труда в угольных шахтах взяты целиком из этого отчета.

Тогда не спешили применять технику, повышающую безопасность труда. Воздуходувка, изобретенная Джоном Баддлом в 1807 году, лампа Дэви, созданная в 1816-м, а позднее воздушный шлюз и вентилятор Джона Мартина не нашли применения до 1835 года.

Но более чем опасность подземного взрыва, викторианцев смущал совместный труд мальчиков и девочек. Обнаженные до пояса, с цепями, пропущенными между ног, будущие матери Англии ползли на четвереньках по тесным ходам, увлекая за собой немыслимую тяжесть. В тридцать лет женщины превращались в дряхлых калек. Подобный труд нередко сопровождался дебошами и ужасающей жестокостью.

Когда через месяц после выхода отчета лорд Эшли предложил парламенту билль, запрещающий работать в шахтах женщинам и девушкам, а также мальчикам до тринадцати лет, его провозгласили национальным героем.

Глава 1

1816

Поднимая бокал с мадерой, вдовствующая маркиза Хэвингэм сказала:

– Доктора запретили мне даже прикасаться к алкоголю, но я должна отпраздновать твое прибытие, дорогой.

– А что они тебе посоветовали, мама?

В тоне маркиза мать уловила явное беспокойство, чем была весьма озадачена.

Она привыкла к его манере говорить лениво и томно, как бы процеживая слова и глядя на мир из-под опущенных век, – манере, свойственной, впрочем, многим щеголям и денди в окружении принца-регента.

И хотя манера сия была не по нутру маркизе, она, будучи женщиной мудрой, никогда не выказывала своего раздражения.

– По-моему, вода, несмотря на ее гадкий вкус, помогла унять боль, – ответила она, – однако в Харроугейте довольно тоскливо, и я уже скучаю по дому.

– Тогда тебе представится для этого благоприятный повод, – пообещал маркиз.

Мать вопросительно посмотрела на сына, а он встал с кресла и повернулся спиной к камину.

Апартаменты маркизы находились в самом дорогом отеле Харроугейта, и можно было заметить, что она успела смягчить слишком чопорную обстановку несколькими штрихами, как нельзя лучше свидетельствующими о ее вкусе.

На одном из боковых столиков красовались написанный маслом портрет и миниатюра, изображавшие самого маркиза; повсюду стояли вазы с оранжерейными цветами – без них он не мог представить себе свою мать. От строгого атласа кресел уже не веяло холодом благодаря подушкам, а оба ее маленьких спаниеля встретили его пылким приветствием.

– Ты устроилась здесь вполне уютно, – сказал он так, словно впервые увидел неудобства жизни в отеле.

– Вполне, – согласилась маркиза. – А теперь, Галлен, я готова услышать твое сообщение. Нисколько не сомневаюсь, дорогой, что ты проделал такое длительное путешествие не только из желания убедиться, что я живу в уюте.

Вдова оценивающе оглядела сына. Действительно, редко встретишь молодого человека столь красивого и безупречно одетого и одновременно столь мужественного.

Одежда маркиза подчеркивала широкие плечи и узкие бедра, хотя, откровенно говоря, атлетическая фигура его являлась предметом отчаяния портных.

Бытовавшая тогда мода восставала против сильных мышц, натягивавших тонкий габардин сюртука.

Однако в «Комнатах для джентльменов» на Бонд-стрит маркиза знали как непревзойденного мастера бокса, ну а с рапирой в руках ему трудно было найти подходящего соперника.

Многие отдавали ему должное за стойкую приверженность спорту, молодые щеголи и франты тщетно завидовали его умению разбираться в лошадях и безуспешно пытались так же, как он, завязывать галстуки.

Но если мир или, точнее, бомонд видел в маркизе равнодушного и самоуверенного циника, его мать знала, что он может быть заботливым, добрым, а иногда на удивление нежным сыном.

Поэтому она ничуть не усомнилась в искренности сына, когда он сказал:

– Если б я услышал, что тебе в самом деле необходимо мое общество, мама, то приехал бы и в Харроугейт, и куда угодно, лишь бы порадовать тебя.

– Ну что ты, дорогой. Я никогда не стала бы обременять тебя до такой степени, – ласково ответила вдова. – Но скажи мне наконец, зачем ты приехал?

– Я решил жениться, – немного поколебавшись, молвил сын.

– Галлен!

Маркиза была так изумлена, что поставила бокал с мадерой, дабы не разлить вино.

– Неужели? – всплеснула она руками. – Неужели ты действительно встретил женщину, которую хочешь назвать своей женой?

– Мама, я решил жениться, потому что, как тебе известно, мне нужен наследник, – ответил маркиз. – Кроме того, моя жена должна иметь хорошее воспитание, иначе я буду скучать.

– И кого же ты выбрал?

– Я сделал предложение леди Берил Фернлей, – продолжал маркиз, – и поскольку мне не хотелось, чтобы ты узнала об этом из газеты, попросил Берил и ее отца пока не объявлять о нашей помолвке.

– Леди Берил Фернлей… – неторопливо сказала вдова. – Ну конечно же, я слышала о ней.

– Она, несомненно, прекраснейшая девушка в Англии, – стал убеждать маркизу сын, – бурно ворвалась в свет и добилась высшего признания, даже сам принц назвал ее «несравненной» раньше, чем знатоки Сент-Джеймского клуба удосужились это сделать.

Вдова уловила в голосе сына насмешливую нотку и испытующе посмотрела на него.

– А что она собой представляет, Галлен?

Маркиз вновь ответил не сразу.

– Она обожает веселье – как и я – и становится душой любого приема. Леди Берил способна украсить своим присутствием и дом, и замок Хэвингэмов и вполне достойна самоцветов из пещеры Аладдина, которые ты так редко носишь.

– Я не об этом спросила тебя, дорогой мой, – негромко сказала вдова.

С изяществом, присущим лишь ему одному, маркиз сошел с каминного коврика и остановился у окна, задумчиво глядя на деревья, которые здесь, на севере, еще только покрывались первыми весенними почками.

– Что ты еще хочешь узнать, мама? – наконец спросил он.

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу услышать. Ты любишь ее?

– Мне уже тридцать три, мама, – ответил маркиз, немного помолчав, – и я успел забыть трепет мальчишеской влюбленности.

– Итак, ты женишься лишь для того, чтобы обзавестись наследником? – с трудом произнесла вдова.

– Я не могу найти лучшей причины для брака, – сказал маркиз задиристо.

– Но мне хотелось бы, чтобы ты любил.

– Повторяю, я слишком стар для такой ерунды.

– Ничего подобного, Галлен. Мы с твоим отцом были невероятно счастливы, и я молилась лишь о том, чтобы и ты познал то счастье, которое мы столько лет находили друг в друге, прежде чем он покинул нас.

– Мама, теперь нет таких девушек, какой была ты.

Маркиза вздохнула.

– Твой отец говорил мне, что с первого мгновения, как только увидел меня на приеме в саду верховного шерифа – в самом не подходящем для подобных встреч месте, – ему казалось, что меня окутывает облачко света.

– Папа рассказывал мне об этом, – подтвердил маркиз.

– А я и не замечала его, пока нас не представили друг другу, – продолжала мать ностальгически, – но как только он прикоснулся к моей руке, со мной произошло нечто странное. – Ее голос задрожал. – Я тотчас влюбилась, как будто застыла на месте! И сразу поняла, что это мужчина моей мечты: я знала, он где-то ждет меня, и мы должны только отыскать друг друга.

– Тебе очень повезло, мама.

– Это была не удача, – возразила маркиза, – это судьба. Родители твоего отца пытались устроить его брак с дочерью герцога Ньюкастла, но мы решили быть вместе до конца наших дней, а все прочее несущественно.

Маркиз неловко шевельнулся.

Все это он слышал не единожды и всегда смущался, когда мать говорила об отце. Они любили друг друга так беззаветно, что воспоминания детства постоянно были озарены отблесками их счастья.

Единственное, о чем сожалели его родители, заключалось в том, что у них был только один ребенок. Так что после смерти отца маркиз Хэвингэм всегда старался заботиться о матери и защищать ее.

Ему не было нужды выслушивать, что такое истинная любовь и счастье: он все видел своими глазами. Тем не менее он не сомневался в том, что подобная судьба не для него.

– Времена переменились, мама, и любовь, обращенная не к принцу-регенту, вышла из моды.

– Любовь! Не надо смешивать его королевское высочество и любовь, – пренебрежительно сказала вдова. – Вспомни, как он обходился с бедной миссис Фицхерберт, а я думала, что они были женаты. А эта вздорная кокетка леди Хертфорд, терпеть ее не могу!

Маркиз расхохотался.

– Принц является примером для всех нас, мама, поэтому едва ли ты можешь рассчитывать, что я найду идиллическую любовь в Карлтон-Хаусе.

– Итак, трезвый расчет велит тебе жениться на леди Берил.

– Мы уживемся, мама, – заверил ее маркиз. – Мы разговариваем на одном языке, у нас общие друзья, и если через какой-то отрезок совместной жизни каждый из нас пойдет своим путем, это будет сделано со взаимным уважением – без всяких скандалов, ибо любые разногласия можно уладить полюбовно.

Маркиза промолчала, только в глазах ее застыло страдание. Сын подошел к ней и взял ее руки в свои.

– Не надо беспокоиться за меня, мама, – сказал он. – Большего я не желаю и не вижу причин, способных помешать нам с Берил произвести на свет с полдюжины крепких внуков, которые, уверен, доставят тебе удовольствие.

Тонкая рука маркизы с воспаленными от артрита суставами пальцев легла на теплую руку сына.

– Мы с твоим отцом стремились дать тебе все самое лучшее, Галлен, но избранная тобою участь – что греха таить! – просто второсортное существование.

– Ты судишь о моей жизни по своей собственной, мама, – заметил маркиз, – а я доволен будущим, и никто не вправе рассчитывать на большее.

– Я могу рассчитывать и рассчитываю, – ответила мать.

Пальцы ее напряглись.

– Ты еще… не забыл о той… девице, которая обошлась с тобой столь… скверно?

В голосе ее слышалась нерешительность, она словно боялась обидеть сына, однако маркиз непринужденно рассмеялся.

– Ну что ты, мама, в самом деле! Я не слюнтяй, чтобы страдать от ран подобного рода. Тогда я был еще безусым юнцом, а первая любовь всегда чересчур эмоциональна.

Выпустив руку матери, он вернулся к камину и уставился на языки пламени, трепетавшие высоко над поленьями. Он не заметил, что глаза матери вдруг наполнились слезами.

Ей припомнилась эта история, случившаяся, как сказал маркиз, давным-давно. Сыну уже исполнился двадцать один год, и девушка, в которую он влюбился, была прекрасна и испорченна. Он видел в ней идеал, чего ей просто не дано было понять.

Он положил свои сердце и душу к ногам этой особы, но она растоптала их, выйдя замуж за герцога потому лишь, что тот обладал более высоким титулом и богатством.

Вдова не могла забыть отчаяние на лице сына в тот злополучный день.

Он ничего не рассказывал – это было не в его правилах. Он просто хотел спрятаться подальше от любопытных глаз.

Именно тогда, пришла к выводу маркиза, в нем произошла перемена: из веселого и беззаботного юноши он превратился в мужчину и год от года становился все более циничным и едким.

Лишь оказавшись в своем полку, он обнаружил некогда присущий ему энтузиазм – готовность выйти навстречу наполеоновской армаде. Это вселило надежду в сердце матери.

Но она испытала невыразимое облегчение, когда после смерти отца маркиз откупился от военной службы и возвратился домой, чтобы управлять своими владениями и быть рядом с ней.

Однако того мальчика, которого она обожала двадцать один год, увы, больше не было.

В его жизни существовали женщины, целая дюжина. Некоторых она встречала, другие обитали в незнакомом ей мире. Но любовь к сыну говорила ей, что они не дороги ему; покоряя чужие сердца, он охранял свое от вторжения кого бы то ни было.

С той поры она всегда ненавидела ту особу, которая причинила ему эту боль.

Но теперь вдова подумала, что вдвойне ненавидит ту девицу, потому что именно из-за нее Галлен, единственный и любимый сын, вступал в брак по расчету, а не по любви.

Но умудренная опытом маркиза понимала, что о таких вещах с ним бесполезно говорить.

– Когда ты намерен устроить свадьбу, дорогой? – спросила она.

– До конца сезона. Принц скорее всего предложит для приема Карлтон-хаус, так как все приглашенные не уместятся в городском доме графа Фернлея на Керзон-стрит.

– Расскажи мне о графе. Я помню его – симпатичный мужчина, должно быть, поэтому его дочь такая красавица.

– Вполне милый человек, – ответил маркиз без воодушевления, – предпочитает сельскую местность Лондону, но его жена без ума от балов, приемов, ассамблей и раутов. – Он криво усмехнулся. – Она стремилась сделать дочь центром внимания высшего общества и действительно преуспела в этом.

Маркиза отметила про себя, что с графиней Фернлей у нее никогда не было ничего общего.

– На обратном пути я, конечно же, загляну к графине, – пообещала она, – но я собиралась ехать домой, а не в Лондон.

Слово «домой» означало в данном случае весьма привлекательный Дувр-Хаус, расположенный в огромном поместье маркиза в Хантингдоншире.

Маркиза, испытывавшая неимоверные страдания от артрита, не любила бывать в Лондоне, ее больше привлекала сельская идиллия в компании своих собак. Поэтому сын сказал поспешно:

– Тебе нет необходимости приезжать в Лондон до венчания. Будет лучше, если я приглашу графа и, конечно, Берил в замок, как только ты будешь готова принять их. – И с улыбкой добавил: – Уверен, что время для этого у нас найдется, хотя Берил будет занята покупкой приданого.

– А ты, дорогой?

– Принцу нравится, когда я постоянно нахожусь возле него. Однако мы пришли к соглашению, удовлетворяющему в той или иной степени нас обоих: я сопровождаю его на скачках и прочих дневных увеселениях, но освобожден от посещения многолюдных вечеринок, которыми его королевское высочество наслаждается вечером.

– И что ты делаешь тогда? – допытывалась маркиза.

– А на этот вопрос я затрудняюсь ответить. – У маркиза появился лукавый блеск в глазах.

– Я спрашиваю не о том, чем ты занимался в прошлом, – рассмеялась мать. – Я прекрасно осведомлена о твоей репутации сердцееда. Но что ты будешь делать теперь? Едва ли леди Берил захочет без тебя посещать эти многолюдные приемы.

– В жизни женатого человека есть свои недостатки! – не задумываясь ответил маркиз. – Только поверь, мама, зеленый карточный стол привлекает меня куда больше, чем полированные паркеты, и я не собираюсь проводить на балу каждую ночь, пусть даже этого будут требовать Берил и принц.

Маркиза улыбнулась.

– Догадываюсь, что ты купил новых лошадей и станешь прогуливаться верхом каждое утро.

– Дюжину великолепных, чистокровных коней! Мне не терпится показать их тебе.

– Теперь и я буду ждать знакомства с ними, – загорелась маркиза.

Мир с Францией, кроме прочих выгод, вернул любителям лошадей возможность вновь привозить в Англию этих благородных животных. И маркиз немедля послал своих людей в Сирию, откуда они вернулись с арабскими кобылами.

Когда он заговорил о лошадях, мать уловила в его голосе интонацию более теплую, чем во время рассказа о будущей жене.

В феврале, как раз перед ее отъездом в Харроугейт, в замок привезли отличных венгерских лошадок, и она была в восторге, узнавая в сыне того мальчишку, который все время тянул ее за руку в конюшню, когда ему подарили первого пони.

– А леди Берил хорошая наездница? – спросила она.

– На коне она держится превосходно, – ответил маркиз, – и, думаю, сумеет охотиться с моей сворой. Кстати, мне придется заняться охотничьим домиком в Лечестершире. – Он усмехнулся. – Холостяцкие вечеринки, которые я устраивал там, отнюдь не улучшили состояния мебели. Кроме того, на женский взгляд, там слишком грубая обстановка.

– Мы с твоим отцом бывали очень счастливы там, – грустно промолвила вдова.

– Как и повсюду, – заметил маркиз. – Только, мама, не надо все время сравнивать меня с отцом, а Берил – с собой. – Он взял ее за руки. – Ты отлично знаешь, что такой милой и красивой женщины, как ты, больше не будет. Поэтому не надо сетовать на то, что я выбираю второй сорт.

– Меня волнует, дорогой мой, лишь твое счастье, – пробормотала маркиза.

– Я уже сказал тебе, что всем доволен.

Тем не менее матери послышалась в голосе сына язвительная нотка.

В нескольких милях от модного харроугейтского курорта, с его водами, дорогими отелями и отдыхающими аристократами, в том же Йоркшире, находилась деревня Барроуфилд.

Расположенная возле Лидса, она являла собою скопище неопрятных и даже зловещих домов и казалась постоянно укрытой тонкой вуалью из угольной пыли.

За пределами деревеньки на холме стояла уродливая церковь из серого камня, а возле нее – столь же неказистый, громоздкий дом викария.

На кухне, мощенной камнем, у старомодной, неудобной печи хлопотала седовласая служанка, всем своим видом напоминавшая няню: она пыталась научить тощую невнимательную девчонку готовить баранью ногу.

– Да пойми же ты, что я тебе говорю, Элен, – внушала она ей резким голосом. – Я в шестой раз повторяю, что мясо нужно все время поливать соком. А ты как будто не понимаешь меня.

– Так я ж делаю то, что вы мне говорите, – отвечала девица с раздольным йоркширским акцентом.

– Ну, это как посмотреть! – отрезала старшая.

Тут она повернула голову, потому что кухонная дверь открылась и молодой голос позвал:

– Эбби! Эбби!

Эбигейл – так звали старшую – обернулась к вошедшей девушке. Светловолосая и голубоглазая, она могла бы показаться самой типичной англичанкой, но от таковой отличалась совершенно невероятной красотой.

Глаза ее, громадные на изящном овальном личике, казалось, вобрали в себя голубизну не весеннего неба, а скорее южного моря.

Нежная улыбка касалась мягкого изгиба губ, словно рассвет, проглядывающий сквозь листву деревьев.

– Что случилось, мисс Торилья? – спросила старшая.

– Письмо от леди Берил и… не знаю, поверишь ли ты – она помолвлена и собирается замуж!

– И вовремя, – сказала Эбби с фамильярностью старой служанки, – ее светлости скоро двадцать один, она имеет успех в Лондоне; я давно ожидала этого.

– Ну что ж, она уже помолвлена, – повторила Торилья. – И представь, Эбби, она приглашает меня в гости.

Торилья расправила лист бумаги и прочитала вслух:

Торилья, ты будешь моей подружкой. Я намереваюсь ограничиться только одной, чтобы не создавать себе излишней конкуренции.

– Как будто у Берил может быть соперница! – расхохоталась Торилья.

Эбби не ответила, и девушка продолжала читать:

Ты должна немедленно приехать ко мне… как только получишь это письмо. Не задерживайся. Ты должна мне помочь во многом. У меня столько дел, и я рассчитываю на тебя в выборе моей одежды, в планировании моей свадьбы и, конечно, рассчитываю на твое участие в приемах, где люди захотят познакомиться с моим женихом.

– И кто же стал суженым ее светлости? – спросила Эбби.

Торилья повернула страницу.

– Ты не поверишь, Эбби, – со смехом ответила она, – но Берил не назвала его имени! Как это похоже на кузину! Она всегда забывает о самом главном. Предвижу, сколько хлопот свалится на меня, если, конечно, папа… отпустит меня… к ней.

Последние слова девушка произнесла поникшим голосом, и в ее огромных глазах читались сомнение и грусть.

– Конечно же, вы должны ехать, мисс Торилья, – решительно сказала Эбби. – Хотя, ей-богу, надеть вам совсем нечего.

– Об этом я могу не беспокоиться. Мне впору платья Берил, она всегда была щедра и позволяла носить все, что мне нравилось, даже костюмы для верховой езды. – Торилья на мгновение задумалась и вдруг спросила: – Ой, Эбби, как ты думаешь, мне позволят поездить на лошадях дяди Гектора? Вот бы вновь очутиться на спине чудесного животного!

– Не сомневаюсь, что ваш дядя предоставит вам своих лошадей, как прежде, когда вы были ребенком.

– Больше всего мне не хватало здесь доброй лошадки, – вздохнула Торилья.

– Мне не хватало куда больше всяких разностей, – возразила Эбби, – да и вам тоже, мисс Торилья. Не надо обманывать себя.

И Эбби принялась развязывать тесемки коричневого голландского фартука, предназначенного для готовки; он прикрывал второй, ослепительно-белый, который она носила поверх серого платья.

– Я немедленно начинаю собирать ваши вещи!

– Нет, Эбби, подожди, подожди! – остановила ее Торилья. – Я должна спросить папу. Он может не захотеть, чтобы я возвращалась… домой. – Она немного поколебалась и добавила извиняющимся голосом: – Фернфорд был для меня домом семнадцать лет… пока была жива мама…

– Именно, мисс Торилья. Там и есть ваш дом! – убеждала ее Эбби. – И вам нечего делать в этом грязном местечке!

Торилья улыбнулась. Эбби твердила это, наверное, в тысячный раз.

– Ты знаешь, что оно значит для папы, – тихо сказала Торилья.

Внезапно хлопнула входная дверь.

– А вот и он! – воскликнула девушка. – Поспеши с обедом, Эбби, а то, сама знаешь, он убежит по делам, забыв о еде. Пойду поговорю с ним.

Торилья повернулась и выбежала из кухни в узкий мрачный коридор, выходивший в несколько претенциозный холл.

Там спиной к двери стоял преподобный Огастес Клиффорд, викарий Барроуфилда.

Это был статный, обаятельный мужчина, но выглядел он значительно старше своих лет. Его белая как лунь голова и лицо, изборожденное глубокими морщинами, говорили о нелегкой жизни, требующей огромного напряжения сил.

С печатью грусти на челе он опустил на кресло шляпу священнослужителя, однако, завидев приближающуюся к нему Торилью, нежно улыбнулся.

– Ну вот я и вернулся, Торилья! – воскликнул он. – И как раз в назначенное время.

– Как хорошо, папа! Обед уже готов, – обрадовалась Торилья. – Было бы обидно, если б из-за твоего опоздания погибла прекрасная баранья нога, которую прислал нам фермер Шиптон.

– Да, конечно, я не забыл, – сказал викарий, – но если она велика, нам следует поделиться…

– Нет, папа! – заявила Торилья тоном, не терпящим возражений. – Делиться нечем. Иди скорее в столовую, мне нужно кое-что сказать тебе.

Викарий вошел вслед за дочерью в темноватую комнатку, где в отличие от гостиной окна выходили на фасад дома и смотрели на север.

Здесь стояла вполне приличная мебель, которую они привезли с собой с юга, однако шторы были сшиты из дешевого материала, хотя Эбби и Торилья сделали все возможное, чтобы скопировать драпировку, запомнившуюся им по Фернлей-Холлу.

Элизабет, младшая сестра графини Фернлей, вышла замуж за Огастеса Клиффорда, служившего тогда куратором в Лондоне, в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер.

Граф Фернлей, дабы сделать приятное жене, назначил его викарием небольшого прихода в Фернфорде, который находился в его собственном поместье в Хертфордшире. Таким образом, Торилья и Берил выросли вместе.

Их родители были весьма рады этому обстоятельству, и хотя Берил была на два года старше Торильи, разница в возрасте была не столь уж очевидна.

Более того, Торилья оказалась куда смышленее старшей сестры, но старалась держаться с ней вровень, ибо Берил постоянно отставала в учебе.

Графиня Фернлей предпочитала жить в Лондоне, поэтому Берил больше времени проводила со своей тетей, чем с матерью.

Она так любила миссис Клиффорд, что ее неожиданная кончина заставила Берил горевать ничуть не меньше Торильи.

С утратой матери жизнь Торильи совершенно переменилась. Преподобный Огастес счел невозможным более оставаться в доме, где был так счастлив со своей женой.

Ему стало невмоготу трудиться в тихом уютном селении, где, откровенно говоря, у него было не слишком много дел, и подал прошение о назначении его в один из самых уединенных и бедных районов на севере. И вот через два месяца после смерти жены Огастес Клиффорд занял должность викария в Барроуфилде.

Все это произошло так стремительно, что Торилья осознала случившееся, лишь оказавшись в странном и чужом для себя месте, вдали от родни и знакомых. Только Эбби могла как-то утешить ее.

Ну а для преподобного Огастеса переезд послужил средством облегчить свое горе, а быть может, и вызовом, о котором он мечтал всю жизнь, хоть никто и не догадывался об этом.

Вдохновленный неукротимым желанием помочь тем, кто был несчастнее его самого, он весь ушел в проблемы и трудности, которыми изобиловала ужасающая жизнь шахтерской деревни.

Казалось, он один с пылом крестоносца противостоит целой армии зла.

Лишь Торилья и Эбби знали, что в своей одержимости он забывал о пище и сне, пытаясь хоть в чем-то помочь существованию своих новых прихожан.

И свою стипендию, и те крохотные средства, которые у него оставались, викарий до последнего пенни тратил на паству.

Только благодаря Эбби, забиравшей у него после получения чеков деньги для ведения хозяйства, они были избавлены от голода.

И теперь, сидя за обеденным столом, Торилья думала о поездке на юг и о том, что разрешение отца будет зависеть от стоимости этой поездки.

– Я получила письмо от Берил, папа, – сказала девушка.

В это время викарий налил себе стакан воды, а в двери появилась Эбби с бараньей ногой.

– От Берил? – задумчиво переспросил викарий, словно впервые услышал это имя.

– Берил выходит замуж, папа. Она просит, чтобы я приехала, погостила у них в Холле и помогла ей с приданым. А еще она просит, чтобы я была подружкой на ее свадьбе.

– Ах, Берил! – воскликнул викарий.

– Ты не против, если я поеду, папа?

– Нет, нет. Конечно же, нет! – Он отрезал кусок баранины и положил его на тарелку. – Впрочем, едва ли мы можем позволить себе такую поездку.

– Я поеду на дилижансе, – заверила его Торилья. – И если поеду одна, а Эбби оставлю приглядывать за тобой, все обойдется не так уж дорого.

Едва прочитав письмо Берил, она сразу подумала, что возьмет Эбби с собой, но теперь поняла: служанка должна быть здесь – не столько из-за расходов, сколько из-за викария, так как он просто не сможет выжить без прислуги.

Эбби умела заставить его есть и спать, ей это удавалось лучше, чем родной дочери.

– Я как раз думал, – тихо сказал викарий, – что все свободные деньги надо отдать миссис Коксволд. Она ожидает девятого ребенка, а у старшей дочери, по-видимому, чахотка.

– Мне очень жаль Коксволдов, папа. Но ты не хуже меня знаешь, что каждую пятницу мистер Коксволд отправляется в кабак и пропивает там по крайней мере половину своего заработка.

– Знаю, – согласился викарий. – Но мужчина вправе по собственному усмотрению тратить то, что зарабатывает.

– Только в том случае, когда дети его не голодают, – возразила девушка.

– Второй девочке в этом месяце исполняется пять, и они, наверное, отправят ее в шахту – работать.

– О нет, папа! – воскликнула Торилья. – Она слишком мала! Ты помнишь, как болела маленькая Барнсби? Стоя по колено в воде, она заработала пневмонию.

Викарий вздохнул.

– Им нужно есть, Торилья.

– И вам тоже, сэр, – вставила вернувшаяся в комнату Эбби.

Она внесла два блюда: на одном была картошка, на другом – не слишком аппетитная на вид капуста.

– Мне хватит, – рассеянно сказал викарий, разглядывая крохотные кусочки мяса на своей тарелке.

– Сэр, я не уберу баранину со стола до тех пор, пока вы не наедитесь досыта, как следует. – Эбби уговаривала его, словно капризного ребенка.

Взяв в руки нож, викарий положил на тарелку еще два тонких ломтика мяса. Затем Эбби настояла еще на двух столовых ложках картошки, а когда Торилья закончила есть, произнесла:

– Вот что, мисс Торилья. Не могли бы вы достать вместо меня пудинг из печки? Не доверяю я этой девчонке. Патока уже здесь, нужно принести только пудинг.

– Да, конечно, – тотчас согласилась Торилья.

Эбби передала девушке баранину, и та отправилась на кухню, зная, что служанка заведет разговор с отцом.

– Мисс Торилья сказала вам, сэр, – начала Эбби, как только девушка покинула комнату, – что ее светлость пригласила вашу дочь на свадьбу?

– Да, мисс Торилья сказала мне, – ответил викарий. – Но дело в том, Эбби, что мы не можем себе позволить это. Дилижанс стоит дорого, а до Хертфордшира путь неблизкий.

– Сэр, простите меня за откровенность, но мисс Торилье давно пора вернуться домой, повидать и приличных людей, хотя бы для разнообразия.

Викарий обратил на нее удивленный взгляд, но Эбби не дала ему заговорить.

– Разве вы не понимаете, что мисс Торилья провела здесь почти два года, не обменявшись даже полудюжиной слов с леди или джентльменом? Поверьте мне, ее бедная мать перевернулась бы в могиле, если б увидела, куда вы упекли свою дочь.

Викарий был искренне изумлен.

– Я как-то не думал об этом, Эбби.

– Ну а я думала, сэр! Мисс Торилье уже восемнадцать, и если бы миссис Клиффорд была жива, упокой Господь ее душу, то уже искала бы для своей дочери подходящего жениха, устраивала приемы и приглашала на них молодых людей, – возмущалась Эбби. – А кого мы можем пригласить сюда? Грязных оборванцев, перемазанных угольной пылью?

Викарий с осуждением всплеснул руками, но Эбби продолжала:

– О да, я все знаю, сэр. У них тоже есть души, которые надо спасать. Да, они тоже христиане и для Бога ничем не хуже нас. Но вы же не рассчитываете, что мисс Торилья выйдет замуж за шахтера, или я ошибаюсь, сэр?

Викарий явно смутился.

– Откровенно говоря, Эбби, я как-то не заметил, что мисс Торилья уже выросла.

– Ну так вот, сэр, ваша дочь выросла, и это настоящее преступление – похоронить ее заживо в этом ужасном месте.

– Но я нужен здесь, – доказывал викарий, как будто произносил последнее слово перед приговором в суде.

– Возможно, и так, – парировала Эбби, – я не спорю, сэр, вы делаете здесь Божье дело и справляетесь с ним хорошо. Но это, если можно так выразиться, ваша профессия. А мисс Торилья не священник и не проповедник, она молодая женщина, и надо сказать честно – красавица!

Но речь Эбби была прервана появлением Торильи: она вернулась в комнату, держа в руках внушительное блюдо, в самом центре которого съежился крохотный пудинг.

Она поставила блюдо перед отцом, а он до такой степени был погружен в свои думы, что даже не заметил ее присутствия.

Торилья встревоженно посмотрела на Эбби, но служанка как ни в чем не бывало поменяла тарелки и положила столовую ложку возле руки викария.

– Ты права, Эбби, – вдруг сказал он. – Мисс Торилья должна побывать на свадьбе леди Берил. Как-нибудь отыщем нужные деньги.

Когда он вылетел из дома, по всей видимости, не проглотив последний кусок пудинга, Торилья сказала:

– Значит, ты убедила папу дать согласие? О, Эбби, я чувствую себя такой виноватой. Этот разговор ужасно расстроил его. Папа хотел отдать деньги Коксволдам.

– Эти Коксволды уже вытянули из вашего отца кругленькую сумму, – рассердилась Эбби. – Эта женщина умеет разжалобить, а викарий, бедняга, верит каждой ее басне.

– Да, я знаю об этом, Эбби, но он так страдает, и здесь так ужасно. А на детей я не могу даже смотреть, – сказала девушка дрогнувшим голосом. – Быть может, это… эгоистично с моей стороны. Если я останусь, а папа отдаст деньги Коксволдам, жизнь их может… чуточку измениться.

– Даже если целая сотня Коксволдов будет умирать с голоду, – изрекла Эбби, – это не заставит вас отменить поездку к леди Берил.

– Но, наверное, нехорошо оставлять папу в одиночестве, – пробормотала Торилья.

– Я не позволю вам отказаться от приглашения! – Служанка была непреклонной. – А теперь садитесь, мисс Торилья, и пишите ее светлости, что выезжаете в следующий понедельник.

– Но, Эбби, это ведь уже послезавтра!

– Чем раньше, тем лучше, – отрезала Эбби, – и незачем беспокоиться об отце. Я присмотрю за ним, вам это хорошо известно.

– Он действительно больше слушается тебя, – согласилась Торилья. – Я никогда не смогла бы заставить его съесть лишний кусок баранины. Вкусная еда обрадовала его, хотя он и промолчал.

– Этой бараньей ноги нам хватит до конца недели, – сказала Эбби. – Если бы ваш отец питался получше, то не стал бы так усердно печься о бедных и больных.

Торилья знала, что служанка права и ее отец не единственный в мире страдалец.

У нее болела душа за малюток, работавших в шахте, – их пороли, если они плакали или засыпали. Ей становилось дурно, когда она видела тридцатилетних женщин, превратившихся в искалеченных, немощных старух.

Ей было понятно, почему мужчины каждую пятницу торопились в кабак: они желали хотя бы на час забыть об опасной, изматывающей физически и духовно работе в темной, грязной яме.

Когда происходили несчастные случаи, отец приходил домой бледный, едва сдерживая слезы, а Торилья разносила приготовленный Эбби отвар больным женщинам и детям, не знавшим, что такое сытная еда.

Но они могли позволить себе немногое.

Если бы Эбби время от времени не уговаривала викария выделить несколько шиллингов на покупку какой-нибудь дешевой материи, Торилья одевалась бы ничуть не лучше, чем иные шахтерские жены.

Собирать в дорогу было особенно нечего, но Эбби потратила весь следующий день на стирку, глажку, утюжку и штопку.

Правда, у Торильи хранилось несколько платьев, оставшихся от матери, – миленькие выходные и даже вечерние, – их просто некуда было надеть в оторванном от цивилизованного мира Барроуфилде.

Она боялась, что они вышли из моды. Но как найти подтверждение этому, если у них нет денег на «Дамский журнал» или любой другой, сообщавший о столичной моде?

Однако беспокойство девушки отступило перед уверенностью в том, что Берил проявит к ней всегдашнюю щедрость.

И вот наконец воскресным утром она покинула дом викария, чтобы дождаться дилижанса из Лидса, на котором ей предстояло совершить первый этап путешествия. На ней был несколько потертый плащ поверх просторного муслинового платья и соломенный капор, украшенный дешевой голубой лентой.

– Вам не следовало бы ехать одной, поверьте мне! – сказала Эбби, пока они стояли на перекрестке дорог.

– Меня едва ли можно принять за грудного младенца, – улыбнулась Торилья, – а иначе нам с тобой по одному билету не проехать.

– Тогда будьте осторожны, не смейте разговаривать с незнакомцами, – потребовала Эбби. – И вот еще что я хочу вам сказать, мисс Торилья.

– Что же? – Девичьи щеки покрылись румянцем смущения.

– Последние два года, моя дорогая, вы вели странную жизнь, совершенно несвойственную молодой девушке. Вас окружали только несчастья, бедность и откровенная нищета. Прошу вас, не разговаривайте обо всем этом… там, у ее светлости.

– Почему же? – удивилась Торилья.

– Потому что людям неприятно слышать о подобных вещах, мисс Торилья. Они хотят беседовать о веселом, а не о грустном. – Немного помолчав, Эбби продолжала: – Вы помните, как ваша мать говорила хозяину: «Ободрись, дорогой, разве ты способен принять все горести и грехи мира на свои плечи?»

– Да, я помню, как мама говорила это, – промолвила девушка с грустной улыбкой. – А папа обычно отвечал: «Неужели я выгляжу таким занудой?»

– Именно так, – согласилась Эбби. – И после смерти вашей незабвенной матери хозяин сделался именно занудой, мисс Торилья, – с точки зрения светского человека.

– Мне он не кажется занудой! – воскликнула Торилья.

– Конечно, моя дорогая, но не все это понимают, – смягчилась Эбби. – А потому забудьте обо всем, что видели здесь: вернитесь к светлой жизни, которая была у вас дома.

Последние слова Эбби сказала преднамеренно, и в синих глазах Торильи вдруг вспыхнул свет.

Девушка вспомнила, как счастлива она была в родной семье, среди благодатной деревенской природы, где крытые соломой домики утопали в цветущих садах.

– Обещайте мне, – потребовала Эбби.

– Не быть занудой? – переспросила Торилья. – Да, я обещаю. Но, Эбби, так жаль, что ты не едешь со мной! Если кто-нибудь из нас заслуживает праздника, так это ты!

– Для меня будет праздником уже то, что вы наконец повеселитесь.

Она посмотрела на дорогу и заметила вдали дилижанс.

– Вот он! – обрадовалась Эбби. – Ну что ж, в добрый час, моя дорогая. Наслаждайтесь каждым мгновением и забудьте обо всем грустном.

Обняв старую служанку, Торилья поцеловала ее в обе щеки.

– Спасибо, дорогая Эбби, за то, что ухаживаешь за папой. Я буду на свадьбе Берил лишь благодаря тебе.

– Передайте от меня ее светлости огромного счастья, – сказала на прощание Эбби. – Надеюсь, муж окажется достойным ее.

– Я тоже надеюсь на это, – ответила Торилья.

Дилижанс с грохотом остановился возле них. Его крыша была заполнена багажом, на котором разместились несколько пассажиров-мужчин. Кондуктор соскочил, чтобы поднять небольшой, с закругленной крышкой саквояж Торильи, и, прежде чем открыть перед девушкой дверь, отправил его на крышу. Торилья заметила, что для нее на заднем сиденье осталась только узенькая полоска между двумя дородными селянами.

– До свидания, Эбби, – промолвила она и, поднявшись внутрь, стала извиняться за то, что ступает по ногам пассажиров.

Кондуктор забрался наверх, а Торилья, примостившись на сиденье, выгнулась вперед и помахала рукой. Эбби махала ей вслед. Она улыбалась, хотя в глазах ее стояли слезы. Кучер щелкнул кнутом, и дилижанс отправился дальше.

Глава 2

Маркиз Хэвингэм лихо направил великолепную четверку гнедых во двор гостиницы «Пелиган». Его дорожный фаэтон, сделанный по особому заказу, был легче и быстрее, чем другие повозки на дороге.

– Похоже, мы сегодня установили рекорд, Джим, – заметил маркиз.

– Превосходный результат, милорд. – Джим уже представил себе, как станет хвастаться им в пивной перед конюхами.

Маркиз недовольно оглядел заполненный модными колясками двор. Их здесь оказалось больше, чем он предполагал.

– Конечно же! – внезапно воскликнул он. – Донкастерские скачки! Я совсем забыл о них!

– Надеюсь, вашей светлости будет здесь удобно, – умиротворяюще произнес Джим. – Мистер Гаррис уже обо всем позаботился.

Маркиз нисколько в этом не сомневался, ибо послал камердинера вперед с багажом и мог рассчитывать по прибытии на самую уютную комнату и все необходимое для пребывания здесь.

Однако было ясно так же и то, что скачки привлекут в городок знать из дальних и ближних окрестностей. А значит, в гостинице будут царить суета, шум и гам, слуги собьются с ног от всяческих хлопот и поручений. Всего этого маркиз, проведя целый день в дороге, хотел бы избежать.

Тем не менее предпринять что-либо не представлялось возможным, и, выходя из фаэтона, Хэвингэм уже почти сожалел, что не остановился у друзей, как сделал это, направляясь на север.

– К кому ты заедешь на обратном пути? – спросила мать, прощаясь с ним.

– Я решил ехать на юг как можно быстрее, – ответил маркиз. – Откровенно говоря, мама, большинство тех, у кого я гостил по пути сюда, оказались чрезвычайно скучными людьми.

Он не стал указывать на одну из причин своего недовольства. А состояла она в том, что владельцы больших комфортабельных особняков, встречавшие его с таким гостеприимством, неизменно пытались пробудить в нем интерес к своим простоватым косноязычным дочерям. Эти маневры заставляли маркиза вспоминать об умудренных опытом, остроумных и соблазнительных женщинах, с которыми он проводил время в Лондоне.

К счастью, все они были замужем и – что не менее важно – соблюдали правила игры: в их обществе ему не грозили обручальным кольцом, с точки зрения Хэвингэма ограничивавшим свободу не хуже, чем пара наручников.

К тому же он был обручен с Берил Фернлей, и теперь навязчивое внимание к его особе вызывало крайнее раздражение. Словом, добравшись до Харроугейта, он решил, что больше не даст никому повода испытывать его терпение.

– Но ты же ненавидишь гостиницы и отели, – удивленно заметила маркиза.

– Конечно, мама, но речь идет всего лишь о нескольких ночах, а Гаррис позаботится о возможных в данной ситуации удобствах.

– И все-таки я чувствую себя спокойнее, когда ты останавливаешься у друзей, – не унималась вдова.

– Нет, я не стану этого делать! – возразил Хэвингэм. – И не надо беспокоиться, мама, я буду путешествовать инкогнито, как всегда.

Маркиз был знаменит как представитель высшего света, но особую известность он приобрел чуть ли не в каждом уголке страны как владелец конюшни с великолепными скаковыми лошадьми.

А посему, останавливаясь в гостиницах или на почтовых станциях, он пользовался одним из своих меньших титулов.

Вот и теперь Гаррис записал своего хозяина в «Пелигане» как сэра Александра Эбди, дабы избежать приставаний попрошаек, обычно досаждавших ему на скачках в Лондоне своими просьбами или же – в худшем случае – претензиями на дружбу, якобы сложившуюся во время войны.

Маркиз вошел в «Пелиган» со двора и обнаружил за дверью ожидавшего его Гарриса.

С камердинером был и старший конюх, также отправленный вперед, чтобы приглядеть за лошадьми.

– Добрый вечер, милорд, – дуэтом приветствовали они хозяина.

– Превосходная вышла скачка, Дэн, – сообщил маркиз конюху. – Новые гнедые стоят потраченных денег, до последнего пенни.

– Рад слышать это, милорд.

– Сегодня я их гнал, поэтому завтра отнесись к ним помягче, – велел Хэвингэм. – Пригляди за новым конюхом. Он торопыга.

– Будет исполнено, милорд.

Маркиз последовал за Гаррисом – сперва по узкому коридору, а затем вверх по старинной дубовой лестнице.

Поднимаясь, он прислушался к шуму в кофейне: собравшиеся на скачки, по-видимому, уже отмечали итоги состязаний: кто праздновал победу, а кто в вине топил печаль.

Гаррис провел маркиза в уютную спальню с окном и широкой кроватью под балдахином на четырех столбах.

Маркиз привык к тому, что старшие слуги не отделяют себя от своего хозяина и его собственности, а потому просто сказал:

– Я напрочь забыл о том, что в Донкастере на этой неделе скачки.

– Похоже, ваша светлость действительно забыли об этом, – ответил Гаррис. – А поскольку мы никогда не выставляем наших животных на весенние состязания, это событие, милорд, ускользнуло и из моей памяти.

– Стало быть, здесь чертовски людно теперь.

– С сожалением вынужден это признать, милорд. Но я снял отдельную комнату, и едва ли ваша светлость почувствует неудобства. – Чуть помедлив, Гаррис добавил нерешительно: – Мне очень жаль, милорд, но я вынужден признаться, что не сумел снять соседнюю спальню.

Маркиз ничего не ответил, и, помогая ему снять пальто, Гаррис продолжал:

– Это жалкая комнатушка, милорд, и я уговорил хозяина гостиницы не сдавать ее джентльменам, которые могут оказаться слишком шумными соседями. Он обещал сдать ее леди; надеюсь, она не потревожит вашу светлость.

Маркиз опять промолчал, но мысль, что кто-то может нарушить его сон стуком в соседнюю дверь, была ему неприятна. Будучи по природе своей весьма деятельным человеком, Хэвингэм предпочитал отходить ко сну в абсолютной тишине.

Зная это пристрастие своего господина, слуги всегда старались снять и соседнюю с его комнатой спальню, причем в случае необходимости с обеих сторон.

Маркиз понимал, что в подобной ситуации сделать это просто невозможно, и винил только себя, однако рассудил философски: все-таки ему повезло уже в том, что для него нашлась комната во время скачек.

Хэвингэм был уверен, что Гаррису удалось выставить из комнаты какого-нибудь горемыку, чьи слуги не смогли проявить большую щедрость.

Безусловно, камердинер щедрой рукой заплатил и прислуге, чтобы его хозяин не почувствовал невнимания к себе.

Приняв ванну перед камином и переодевшись в вечернее платье, маркиз спустился в маленькую, теплую, уютную гостиную.

Обед оказался отменным, и прислуга вела себя безупречно.

Отужинав, Хэвингэм сел у камина пригубить бренди и пролистать газеты, которыми его обеспечил Гаррис.

Маркиз с удовлетворением отметил, что участвовавшие в скачках лошади не соответствовали его стандартам и не могли бы бросить вызов его конюшне.

Не понравилось маркизу лишь одно: о его лошадях даже не упомянули, хотя это можно было сделать.

Он принял решение выступить только на скачках в Сент-Ледже в сентябре.

А вообще все свое внимание он обращал к Аскоту, потому что намеревался выиграть Золотой Кубок.

В разделе новостей он нашел привычные жалобы на сложности, которые испытывала страна, возвращаясь к мирной жизни. Сухие сообщения из парламента наводили обычную скуку. Жар очага и день, проведенный на воздухе, навевали сон, и, покончив с бренди, Хэвингэм поднялся наверх. Гаррис ожидал его, чтобы помочь раздеться.

Когда Хэвингэм ночевал в гостиницах или отелях, камердинер всегда застилал его постель домашними льняными простынями и подушками, которые они возили с собой.

– Не желает ли ваша светлость подняться завтра пораньше? – спросил Гаррис, уже успевший собрать одежду маркиза. Он покинет «Пелиган» на рассвете, чтобы совершить такое же путешествие, как сегодня, и приготовить все заранее к прибытию своего господина.

– Разбудите меня в восемь часов, – велел маркиз. – Вы приготовили для Джима мою одежду?

– Все, что нужно, – в гардеробе, милорд.

В голосе слуги слышалась обида за то, что маркиз счел необходимым проконтролировать его.

«Очень хорошо, – подумал маркиз, – что я возложил на Джима обязанности камердинера».

– Доброй ночи, милорд, – с почтением произнес Гаррис. – Надеюсь, вашу светлость не потревожат.

– И я тоже, – кивнул маркиз. Последний раз оглядев комнату, Гаррис вышел, закрыв за собой дверь.

Сняв длинный шелковый халат, маркиз бросил его на кресло и забрался в постель. Он не ошибся, посчитав ее удобной.

Погружаясь в перину, набитую гусиными перьями, Хэвингэм с удовлетворением подумал, что проведенный в одиночестве вечер ему импонирует больше, нежели скучные разговоры с хозяевами или – что еще хуже – званый обед в его честь в каком-нибудь сельском особняке.

До чего же тоскливо обмениваться любезностями с людьми, не имеющими с ним ничего общего! Утешало лишь то, что маркиз никогда более их не увидит.

Тонкие полотняные простыни холодили тело, золотое пламя в камине разгоняло мрак. Маркиз уже засыпал, когда на дубовой лестнице послышались тяжелые неуверенные шаги.

Он еще успел в полудреме подумать: «Какого черта хозяин гостиницы не застелил лестницу ковром, как делают цивилизованные люди?!» – как вдруг раздался громкий стук в дверь.

На мгновение Хэвингэму почудилось, что ломятся в его дверь. Но потом, когда звук повторился, он понял, что стучат в дверь соседней комнаты.

– Кто… это? – прозвучал негромкий женский голос. Тем не менее маркиз услышал вопрос совершенно отчетливо и разгневался оттого, что стенка между двумя комнатами оказалась слишком тонкой.

– А мине нужно передать вам кое-что, мисс, штуковину, которую вы оставили в столовой, – ответил мужской голос.

Природу странного акцента маркиз не мог определить, и вообще этот голос звучал необычно.

– Но я… я уверена в том, что ничего не забыла… внизу! – запротестовала женщина.

– Все у миня тута, мисс.

Маркиз пытался не думать о том, что происходит, но ему показалось, что женщина поднялась с постели.

В замке повернулся ключ.

– Не могу представить себе… – сказала она и чуть погодя воскликнула: – О, так это… вы!

– Да, я, – сказал мужчина совершенно другим голосом. – Вы ускользнули не попрощавшись.

– Но мне… мне нечего сказать… А у вас, сэр, нет права… разговаривать со мной.

– А я и не хочу говорить с вами.

– Вам не следовало… приходить сюда… Пожалуйста, уйдите… уйдите.

Маркизу показалось, что женщина пытается закрыть дверь. И тут она закричала:

– Нет! Нет! Нельзя сюда входить! Уходите… уходите прочь, немедленно!

– Я хочу поговорить с вами.

– Пожалуйста… оставьте меня в покое… Вы не имеете права вламываться ко мне в… спальню.

– Я уже в ней! И что вы будете со мной делать?

– У вас нет права так поступать… Я завизжу, если вы не… не уйдете… немедленно!

– Едва ли хозяин гостиницы или кто-то еще услышит вас. Они заняты внизу.

– Прошу вас… уйдите! Я уже… легла в постель… и мне… нечего сказать… вам.

– А вот я хочу сказать вам о многом! Во-первых, вы очень красивы, мисс Клиффорд. Как видите, я узнал ваше имя, хотя вы отказались назвать его мне.

– Вы должны… уйти… Это нечестно… Вы сами знаете, что не имеете права… врываться в мою… спальню подобным образом!

– Я не вижу в этом ничего плохого, и, если вы прекратите жеманничать и кривляться, мы сможем позабавиться.

– Я не знаю, что вам нужно… Уйдите, прошу вас… Уйдите, пожалуйста, оставьте меня… в покое!

– А вот этого, моя дорогая, я совершенно не собираюсь делать. Ну же, будь умницей. Какая милашка! Я давно не видел такой очаровательной женщины.

Мужчина, должно быть, шагнул вперед, и последовавший женский крик был полон страха и отчаяния.

– Нет! Нет!

Маркиз тотчас сел на постели. Это становится невыносимо, подумал он, ему не только докучают… Более того, за стеной нагло и бессовестно оскорбляют женщину.

По манере разговора, начавшегося после того, как мужчина вошел в комнату, маркиз догадался, что это некий деревенский джентльмен, который, добиваясь, чтобы ему открыли дверь, искажал речь в подражание говору слуг.

Теперь произношение свидетельствовало об известном воспитании, однако по интонации можно было судить о том, что человек этот пьян.

Маркиз отнюдь не был святым и, когда желал женщину, старался добиться ее. Тем не менее он считал недостойным подобный способ навязывать свое внимание.

И конечно, никогда не позволил бы себе приставать к беззащитной, а потому чрезвычайно ранимой женщине.

Возмущенный до глубины души, маркиз поднялся с постели, набросил халат и выскочил в коридор. Соседняя дверь была закрыта, но он вошел в комнату не постучав и сразу увидел именно то, что ожидал увидеть: молодая незнакомка в отчаянии пыталась вырваться из объятий мужчины.

В насильнике маркиз без труда узнал одного из завсегдатаев скачек. Типа этого, называвшего себя сэром Джоселином Трентоном, можно было обнаружить в баре во время каждых скачек; он и его приятели принадлежали к числу тех людей, которые всеми правдами и неправдами уклонялись от соблюдения правил жокей-клуба.

Сэр Джоселин был настолько поглощен намерением поцеловать женщину, бившуюся в его объятиях, что даже не заметил появления маркиза.

Поэтому Торилья увидела его первым.

– Помогите мне! Помогите! – взмолилась она.

Двумя шагами маркиз пересек небольшую комнатушку и, схватив сэра Джоселина за плечо, развернул его лицом к себе.

– Убирайтесь отсюда! – рявкнул Хэвингэм.

– Какого черта?! – разъярился сэр Джоселин. – Кто вам позволил вмешиваться…

Но тут он понял, к кому обращается, и умолк.

– Убирайтесь!

Маркизу больше не пришлось повторять это слово.

Сэр Джоселин приоткрыл было рот, словно собравшись то ли объяснить свое поведение, то ли оспорить право маркиза отдавать ему приказания, но тут же передумал.

Негодуя, но и не медля, теряя остатки достоинства, он выбежал из комнаты, и каблуки его застучали по дубовой лестнице.

Маркиз посмотрел на спасенную им женщину и тотчас оценил ее молодость и красоту.

Светлые волосы незнакомки рассыпались по плечам, спускаясь почти до груди, а глаза, круглые от ужаса, казалось, занимали половину лица.

Она шагнула от стены и промолвила с дрожью в голосе:

– Благодарю вас… благодарю вас за то, что вы… спасли меня. Я не знала… я не знала, что… делать.

– Вы попали в ужасное положение, – согласился маркиз. – Но теперь ваш обидчик не вернется, только заприте свою дверь и больше не открывайте ее.

– Я… это было очень… глупо с моей стороны… но я просто не думала… мне не могло и присниться… что на свете существуют… такие мужчины.

Маркиз не мог сдержать улыбку.

– Ну а теперь, когда вы знаете, что это не так, больше не забывайте об осторожности.

– Я… буду осторожна, – ответила она, – и еще раз благодарю вас… очень-очень.

– Тогда давайте спать и забудем о случившемся, – успокоил ее маркиз, словно ребенка.

Он вышел в коридор, закрыв за собой дверь, и ключ в замке юной соседки повернулся прежде, чем он успел войти в свою комнату.

Отходя ко сну, маркиз решил, что вполне может понять сэра Джоселина, воспылавшего страстью к красавице, ночевавшей за соседней дверью.

Подгулявший дворянчик сказал, что давно не видел подобной женщины, и маркиз был солидарен с ним.

Ему захотелось узнать, кто она и почему путешествует в одиночестве. Тут он вспомнил, что сэр Джоселин назвал незнакомку мисс Клиффорд.

«Фамилия довольно обычная, – подумал маркиз, – и она, безусловно, принадлежит леди, волосы которой светятся, как весеннее солнце». Неожиданный поэтический оборот вызвал в душе Хэвингэма умиротворение, и он уснул.

Прошло немало времени, прежде чем испуганное сердце Торильи забилось ровнее, и, возвратившись в постель, она еще долго дрожала.

Ей трудно было представить, что джентльмен может попытаться обманом проникнуть в ее спальню.

Она заметила его внимание к себе еще в кофейне, где этот человек сидел в компании прочих джентльменов. По мере того как менялись блюда, они становились все развязнее. Торилья поняла, что там пьют без меры.

Она сидела с другими пассажирами дилижанса за столом в дальнем углу; некоторые мужчины пили эль, а дамы ограничивались водой.

Путешествующих в дилижансе обслуживали последними, пищу им подавали холодную и не ублажали аппетитными блюдами, которые подавали остальным посетителям.

Торилья слишком устала, чтобы чувствовать голод, однако она теряла терпение, ибо каждого блюда приходилось ожидать слишком много времени, поскольку слуги не были заинтересованы в таких клиентах, как она.

Девушка уже решила, что так и не дождется десерта, когда мужской голос спросил:

– Разрешите представиться?

Подняв глаза, она увидела перед собой джентльмена, цинично разглядывавшего обед.

– Я сэр Джоселин Трентон, – продолжал он, явно желая произвести впечатление. – Не соблаговолите ли выпить со мной стаканчик вина?

– Нет… спасибо, сэр.

– Нет – это не ответ, – возразил сэр Джоселин. – Вот что, давайте знакомиться.

– Я могу только повторить: нет, благодарю вас, – ответила Торилья.

Сэр Джоселин как раз намеревался возобновить атаку, когда с противоположного конца комнаты его окликнул кто-то из друзей.

Он отвернулся от девушки, и она, подстегнутая страхом, выскочила из кресла, а затем из кофейни, не замеченная сэром Джоселином.

Заперев дверь спальни, она почувствовала себя в безопасности.

Она слышала, как постоялец за стеной говорил с кем-то, по всей видимости, своим камердинером.

«Должно быть, приехал на скачки, – подумала она, – иначе знатный господин не стал бы останавливаться в сельской гостинице».

Когда два года назад они с отцом ехали на север, гостиницы почти пустовали.

Среди немногих постояльцев можно было видеть в основном торговцев, ремесленников или фермеров, не слишком интересных как внешне, так и в качестве собеседников.

Поэтому теперь девушка смотрела восхищенно на элегантных джентльменов, явившихся по окончании скачек.

Как же давно видела она в последний раз пышные муслиновые галстуки, палевые панталоны, туго обтягивавшие ноги, и гессенские сапоги, блестящие, словно зеркало.

Черные священнические одежды отца да грязные лохмотья шахтеров – вот и все, что она видела эти два года.

Но можно ли было ожидать, что мужчина, претендующий на звание джентльмена, способен повести себя так, как сэр Джоселин!

* * *

Пассажиров дилижанса разбудили в пять тридцать утра. Горничная постучала в дверь Торильи.

– Завтрак ждет, мисс!

Однако девушка уже давно не спала.

Она то и дело просыпалась, представляя себе, как сэр Джоселин тянется к ней руками, от которых ей не удавалось увернуться.

– Чем скорее я покину это место, тем лучше, – сказала она вслух.

Одевшись, Торилья убрала ночную рубашку в маленький саквояж, где находились вещи, необходимые ей для ночлега.

Торилья не думала, что кто-нибудь из посетителей скачек поднимется в этакую рань. Тем не менее, приступив к невкусному завтраку, приготовленному для нее и других пассажиров дилижанса, она все поглядывала на дверь кофейни, опасаясь неожиданной встречи с сэром Джоселином.

Только когда дилижанс отъехал от «Пелигана», Торилья вздохнула с облегчением. Она теперь стала опытнее, получив весьма полезный и памятный урок.

Маркиз отлично позавтракал у себя в комнате и в девять тридцать покинул гостиницу с новой четверкой лошадей. Они были полны свежих сил и, так же как их владелец, рвались в дорогу.

День выдался ясный. Воздух еще пощипывал щеки, но утреннее солнце пригревало, напоминая о приближении лета.

Пока Джим убирал вещи в добротный кожаный чемодан, маркиз, уже одетый, вышел на площадку и заглянул в соседнюю комнату.

Дверь была открыта, и он успел заметить, что номер пуст.

Маркизу припомнился какой-то шорох, доносившийся до него сквозь сон на рассвете.

Легкие звуки не смогли пробудить маркиза, и он отметил про себя, что спасенная им вчера девушка наверняка путешествует в дилижансе.

Экипаж отбыл в шесть утра, но оставшиеся гости «Пелигана», несомненно, проведут еще один день на скачках.

Не желая еще раз встречаться с сэром Джоселином, Хэвингэм не стал задерживаться во дворе, куда более оживленном, чем вчера. Из конюшен как раз выводили коней, чтобы начать запрягать их в фаэтоны, почтовые кареты, ландо и кабриолеты.

Конюхи, приезжие и местные, перекрикивались друг с другом, а хозяин гостиницы сновал туда и сюда со счетами, на выписку которых, должно быть, потратил полночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.